

Чжоу Буюй:

— Этот простолюдin немного не понимает, какое место занимает наложница Юнь в сердце князя?

Цзин И улыбнулся и просто повторил:

— Верно, я тоже хочу знать, какое именно это место.

Чжоу Буюй:

...

Я спрашиваю вас, а вы возвращаете вопрос мне?

Цзин И действительно не знал.

Учитывая только лицо, он, казалось, не должен был втягивать этого человека в свои планы.

Но...

Почему та самая наложница Юнь, которая в Саду Возвращения Души протянула руку помощи даже незнакомым людям, могла спокойно наблюдать за такими поступками Сяо Шо?

Цзин И:

— Если у вас есть время думать об этом, лучше подумайте о другом. Раз уж попытка использовать Великую вдовствующую императрицу для передачи лекарства провалилась, возможно, нам придётся действовать самостоятельно.

Чжоу Буюй, видя, что Цзин И уходит от ответа, не стал настаивать и продолжил тему:

— Использование Великой вдовствующей императрицы не обязательно провалилось. Князь, возможно, стоит подождать и посмотреть, как всё сложится.

После этого во дворце наступил период «спокойствия». Цзин Шо и наложница Юнь целыми днями не выходили из своих покоев, и слуги во дворце, не боясь тирана, стали говорить громче.

Великая вдовствующая императрица тоже проявила выдержку, не проронив ни слова. Цзин И отправил людей разузнать новости, но ничего важного они не узнали. Либо говорили, что эти двое играют в шахматы, либо что они изучают новую еду.

На поверхности казалось, что три стороны зашли в тупик, и никто не решался действовать первым.

Великая вдовствующая императрица казалась слишком спокойной. Даже её брат, министр Се Ханьсинь, не выдержал и пришёл узнать, что происходит.

Ведь они не могли обойтись без тирана как пешки. Если это пешка, её нужно крепко держать в руках, а не позволять ей встать над ними.

Великая вдовствующая императрица рассмеялась:

— Если добыча, попавшая в капкан, не спешит, зачем охотнику торопиться?

Великая вдовствующая императрица не спешила не без причины. Лекарство ещё не начало действовать, и она целыми днями спокойно занималась цветами и птицами.

Дуань Юньшэнь заметил, что в последние дни тиран выглядел неважно, его лицо было бледным. Однако, когда он предложил вызвать врача, Цзин Шо отказался.

Сейчас они сидели у окна, играя в «Пять в ряд». Цзин Шо наконец-то научился поддаваться, выиграв три-пять партий, он позволял своей любимой наложнице побеждать.

Это привело к тому, что Дуань Юньшэнь почувствовал, что его навыки игры улучшились, и он стал слишком самоуверенным, убеждённый, что через несколько дней он сможет побеждать Цзин Шо. Теперь он всё свободное время проводил за игрой с ним.

Цзин Шо тоже наслаждался спокойствием, держа в одной руке книгу, а другой время от времени делая ходы.

Так прошли несколько дней, и даже Цзин Шо почувствовал, что стал слишком ленивым. Раньше он привык быть одиноким во дворце. С тех пор как он занял трон, окружающие либо что-то от него хотели, либо боялись его. Даже если он не тратил силы на интриги против Великой вдовствующей императрицы и империи, он всё равно играл в шахматы сам с собой, устраивая битвы умов.

Особенно после того, как он притворился, что его ноги парализованы, жизнь стала ещё скучнее.

В такие моменты, сидя у окна под тёплым осенним солнцем, играя в игру, которая не требовала особых усилий, он словно возвращался в детство.

Тогда его отец был жив, государственные дела были всего лишь несколькими словами из уст наставника, Великая вдовствующая императрица как бабушка казалась доброй, а мать приносила ему вкусные пирожные — хотя это была иллюзия, но в глазах тогдашнего себя всё это казалось прекрасным.

Дуань Юньшэнь сидел напротив, склонившись над доской, с нахмуренным лбом, держа чёрную фигуру и размышляя над ходом.

Цзин Шо уже перекрыл все пути, и как бы Дуань Юньшэнь ни походил, следующий ход Цзин Шо принёс бы ему победу.

Дуань Юньшэнь украдкой взглянул на Цзин Шо — тот, скучая, ждал его хода и читал книгу, взгляд его был устремлён на страницы. Ветер из окна развеивал несколько непослушных прядей волос, касавшихся его лица.

Цзин Шо, будучи императором, в последние дни не посещал двор и не выходил из покоев, поэтому его одежда и причёска были простыми. Но его лицо было настолько привлекательным, что даже в таком виде он выглядел очаровательно, заставляя сердце трепетать.

Дуань Юньшэнь сначала замер на две секунды, очарованный его красотой, затем потратил ещё две секунды, чтобы убедиться, что внимание Цзин Шо действительно сосредоточено на книге, после чего украдкой протянул руку и передвинул одну из фигур, чтобы занять её место.

Только он собрался убрать руку, как Цзин Шо спокойно произнёс:

— Любимая наложница?

Дуань Юньшэнь:

...

Только что он смотрел в книгу, как он мог так быстро заметить?

Дуань Юньшэнь вернул фигуру на место и выбрал другое место для своего хода.

Цзин Шо сделал ход и выиграл.

Дуань Юньшэнь неохотно выбрал пирожное с корицей из своей тарелки и положил его в тарелку Цзин Шо. Теперь перед Цзин Шо было три тарелки с пирожными, а у Дуань Юньшэня осталась только одна, и даже ту он поделил.

В начале у Цзин Шо вообще не было пирожных, все они были выиграны у Дуань Юньшэня.

Теперь они убрали фигуры и готовились к следующей партии.

Дуань Юньшэнь не слишком переживал из-за пирожных. Хотя он любил вкусную еду, это не было его навязчивой идеей.

Его нежелание делиться было вызвано лишь тем, что это было слишком унижительно. Видя, как противник почти полностью опустошает его тарелку, он решил взять пирожное с корицей и положить его себе в рот, думая, что если не съест сейчас, то ничего не останется, всё достанется тирану.

Цзин Шо вдруг сказал:

— Любимая наложница, хочешь попробовать другую игру?

Дуань Юньшэнь:

— ??

Зачем менять, я только начал разбираться!

Хотя «Пять в ряд» — простая игра, но с таким противником, как Цзин Шо, в ней можно было разглядеть все тридцать шесть стратагем.

По сути, Дуань Юньшэнь всё ещё не мог победить Цзин Шо, но после стольких проигранных партий он начал понимать тактику и немного продвинулся. Сейчас, только начав разбираться, он не хотел менять правила, но Цзин Шо слегка поднял бровь и спокойно сказал:

— Это игра, в которой любимая наложница может отменить два хода. В случае победы не будет наказания, но если проиграешь...

Дуань Юньшэнь:

— Что тогда?

Цзин Шо задумался:

— Тогда пообещай мне что-нибудь. Я пока не знаю, что именно, но когда придумаю, скажу.

Неужели такое возможно?

Ты не роешь мне яму? Как ты можешь принимать такие пустые обещания? Что, если я не выполню?

Дуань Юньшэнь немного замешкался и осторожно спросил:

— Это не что-то вроде убийства или поджога, верно?

На самом деле он хотел спросить, не заставит ли он его привязать гранату... то есть, «громовую бомбу», и взорвать себя вместе с Великой вдовствующей императрицей?

Цзин Шо невозмутимо ответил:

— Даже если любимая наложница согласится на такое, я не смогу это доверить.

Дуань Юньшэнь:

...

Говори нормально, не переходи на личности!

Цзин Шо:

— Любимая наложница хочет попробовать новую игру?

Дуань Юньшэнь подумал и согласился.

И с того момента, как он начал играть по новым правилам, он проигрывал каждую партию, отменяя ходы, и больше ни разу не выиграл.

За короткое время он задолжал Цзин Шо уже около двадцати обещаний. Сначала он ещё считал, но потом просто сдался.

Считать было слишком душераздирающе.

Цзин Шо отложил книгу, перестал быть таким рассеянным, но всё равно выглядел спокойным и уверенным, заставляя Дуань Юньшэня проигрывать, пока тот не захотел бросить игру.

Неужели позволить мне выиграть раз — это смертельно?

Смертельно?

С таким подходом ты никогда не найдёшь жену...

... У него есть жена, увы, это проклятый феодализм, у таких людей есть жёны.

И я, оказывается, его жена.

Это трагедия, настоящая трагедия человечества.

Цзин Шо, видя, что Дуань Юньшэнь чуть не опрокинул доску, спокойным, но раздражающим тоном сказал:

— Любимая наложница, кажется, не может смириться с поражением?

Дуань Юньшэнь:

...

Говори что хочешь, я больше не играю.

Я не могу выиграть ни одной партии, зачем вообще играть?

Лучше играй со мной!

Цзин Шо:

— Ты действительно больше не играешь?

Дуань Юньшэнь:

— Больше не играю.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16211/1455705>